

«**О**тчего у нас в России такая тяжелая, неприглядная ранняя весна? Кажется, что зима все тянется и тянется и конца ей не будет и края. Вроде уж и морозов нет, но промозгло, тоскливо и неудобно. И эти черные, какие-то сиротские голые ветки деревьев, выпростанные в низкое свинцовое небо, размякшая темная земля... А грязные подтаявшие сугробы, у которых такие острые, льдистые края, словно когтистые лапы издыхающих чудищ, которыми они цепляются за эту мокрую, черную землю и никак не хотят сдаваться?! А холодный, пронизывающий ветер?! Все уныло и так безнадежно, словно ничего хорошего впереди».

Сидя на заднем сиденье машины, откинув голову на подголовник, Лиза смотрела на пролетающий за окном безрадостный пейзаж. Тоскливые, угнетающие мысли так соответствовали ее сегодняшнему настроению.

«Даже самая поздняя осень не вызывает такой тоски, как эта ранняя весна. Может, потому, что осенью еще жива память о недавнем лете и еще

горячи воспоминания и звенящая летняя легкость бытия. Да и осень сама красивая с ее багрянцами, взрывом красок, тонкостью какой-то душевной. И потом, как только холодной становится, там и снежок полетел, еще совсем молодой, белый, красивый и радостный. И зиму ждешь в предчувствии праздника, ведь впереди Новый год и всякие снежные развлечения вроде лыж, коньков и снеговиков со снежками. А к весне этот снег, плотно присыпанный городской грязью, реагентами, мусором и собачьими какашками, осточертел уже по горло, и на лыжи ты хорошо если пару раз встал за сезон, коньки так и вовсе с антресолей не доставал за суетой вечной и ленью. И уже скорей бы тепло, а оно никак не наступает, и все новогодние каникулы давно прошли, а впереди единственный и самый большой праздник — лето! А никак — холод, зябкость, черная земля, черные деревья, грязные сугробы, ветер холоднящий и вечная российская тоска...»

Вдруг совершенно неожиданно сквозь низко зависшие тучи, настойчиво предупреждавшие, что вот прямо сейчас непременно хлынет дождь, прорвалось, совсем на чуть-чуть, уже скатывающееся за горизонт солнышко, одним живучим, прощальным, но настойчивым лучиком, который лег Лизе на щеку, согрев, и она улыбнулась и даже пальцами потрогала его теплоту на коже.

«Зато солнце уже совсем другое! — оптимистично возразила она своим унылым рассуждени-

ям. — Уже припекающее, высокое и, если выходит, пробивается из-за туч, то сразу чувствуешь, как пригревает! И чего я в негатив-то ухнула? Весна же все-таки! Еще немного, и расцветет все вокруг, и как зазеленеет! Ну в самом деле, чего я раскисла, а?»

Причина имелась, и вполне себе неприятная и грустная, но о ней думать совсем не хотелось. Скорее так: больше уже не хотелось — сколько можно! И так последние два дня Лиза только об этом думала и размышляла — о маленькой девочке Настеньке.

«Хватит», — остановила себя девушка. В голове бесконечно прокручивались мысли о Настюше, о ее сложных родственниках, варианты того, что можно сделать, чтобы разрешить непростую ситуацию на благо ребенка.

«Ну, действительно, хватит! — разозлилась она на себя. — Сколько можно! Ты же уже решила, что делать и какие предпринять шаги, хватит это бесконечно мусолить! Между прочим, ты едешь на большой праздник, и не фиг тащить туда свои и особенно чужие проблемы!»

Да, семейное торжество!

И Лиза разулыбалась, вспомнив виновника большого семейного сбора — любимого деда Антона.

Первое Лизино воспоминание о бабушке — это его большие, теплые, сильные и очень надежные руки. В детстве она была ужасной непоседой, мо-

гла день напролет бегать, прыгать, скакать, лазать везде, особенно там, где строго-настрого запрещалось взрослыми, носилась «как оглашенная», по меткому выражению бабушки. Такая необычайная энергичность ребенка, разумеется, весьма сильно напрягала и держала в тонусе окружающих — ну, а как упадет, ушибется, разобьется. Всяческие ужасы, составляющие детский травматизм, предполагались всеми взрослыми после первых же минут общения с неугомонной Лизой.

Родители постоянно находились в готовности «номер один»: хватать, спасать — и вечно ее останавливали, вылавливая из разных труднодоступных мест, куда она умудрялась залезть, осваивая и познавая мир с особым рвением. Своим детским обостренным чутьем ребенок эту настороженность взрослых всегда ощущал, особенно, когда ее брал кто-то на руки и, как правило, удерживал и прижимал к себе гораздо сильнее, чем требовалось. И маленькая Лиза, считывая нервозность взрослых, нервничала и напрягалась в ответ.

Странное дело, но Лиза до сих пор помнит те свои, почти младенческие ощущения, такая вот уникальная память. И точно знает, что только в руках деда Антона она чувствовала абсолютную защищенность, спокойствие, теплую уютность и, как ни странно, — свободу. Он позволял ей выделывать любые кульбиты и кренделя, никогда ничего не запрещал, а только посмеивался всем ее

выкрутасам, вовремя подстраховывая и поддерживая.

Ну, еще бы! Долгое время Лизавета являлась самой младшей внучкой в семье, к тому же дед всегда хотел девочку, и чтобы она была похожа на его любимую жену Асеньку. А тут и девочка в их мужском царстве, да к тому же младшенькая, и на бабушку похожа, как по заказу. Баловали ее все, а в особенности дед, уж он ей позволял все и никогда не ругал, что бы ни вытворила.

Вот это ощущение абсолютной защищенности и полной свободы, исходящее от него, от его улыбки, уверенности, от его большого тела и сильных рук, Лиза чувствовала и помнила всю свою жизнь.

После «Беды», как называли в семье ту далекую трагедию, целых полгода маленькая Лиза могла спокойно заснуть только на руках у бабушки, так что деду с бабулей пришлось на какое-то время переехать к внучке.

А еще она помнила его запах. Аромат смолистых бревен, доброго домашнего огня, мужской запах чистой кожи и мыла «Таежное». И это был такой родной, потрясающе прекрасный аромат — беззаботного, счастливого до неба детства, который не сравнится никогда и ни с чем.

Дед ужасный чистюля и в чем-то большой педант. Каждое утро он отводил полтора часа зарядке, Лиза помнила, как просыпалась под сосредоточенное сопение и пыхтение в соседней комнате, где дед Антон делал упражнения. И она выбиралась из

постельки и бежала ему мешать, а он только посмеивался ее баловству, не прерывая своих занятий.

После зарядки по расписанию всегда обязательная прогулка бодрым темпом по окрестностям, после которой дед долго и с удовольствием намывается в душе, всю жизнь признавая только мыло «Таежное», которое по нынешним временам не очень-то и найдешь. Последний раз дядя Андрей «надыбал» этот артефакт черт-те где — где-то на Севере, в леспромхозном сельпо, куда его занесло в одну из командировок. Так он купил и привез деду целый ящик, правда, не полный «боекомплект», а без трех уже купленных кем-то брусочков:

— Вот, папа, теперь надолго хватит! — порадовался сынок, доставая из багажника, не поверите: настоящий деревянный ящик с мылом. Такие, наверное, еще во времена Отечественной войны делали. А этот совсем новенький, и дерево не потемнело.

— Посмотрим, — усмехнулся дедушка.

А еще дед имел уникальное хобби — он вырезал всякие замысловатые фигурки из дерева, очень красивые, иногда как настоящие произведения высокого искусства. Маленькой Лизе разрешалось играть ими сколько и как ей заблагорассудится: этому ребенку в доме бабушки и дедушки позволено все. Они с бабулей целые кукольные представления устраивали, даже писали какие-то незамысловатые сценарии, шили для этих фигурок

костюмы всякие и потом разыгрывали перед зрителями спектакли.

И теперь деду Антону исполняется девяносто лет!

Девяносто!

И так удачно эта красивая дата выпала — на субботу, как подгадал прямо, когда родиться. Вот и собирается родня и близкая, и дальняя, и друзья его из тех, кто жив еще. Отец Лизы и дядя Андрей, его родной брат, с женами уж неделю, как там находятся, готовят торжество. Не простые посиделки за накрытым столом, а целое представление, с поздравлением от городских властей и Совета Ветеранов, с концертом и еще какие-то мероприятия, Лиза не вникала. Ну, во-первых, большая часть этих приготовлений являлась сюрпризом для гостей, а во-вторых, организация масштабных мероприятий никогда не числилась в ряду ее интересов и талантов.

Но начиная с прошлой пятницы и по сегодняшний четверг она постоянно улыбалась, когда звонила Надя, жена отца, или сам отец и рассказывали, как идут приготовления. Улыбалась, представляя себе радостно-удивленные лица деда и бабули, и испытывала теплую, немного щемящую грусть. Грусть по своему прекрасному, бесшабашному, свободному и такому короткому, слишком рано закончившемуся, счастливому детству.

А оно у неё было абсолютно счастливое — любящие родители и совершенно потрясающие бабушка с дедушкой!

Это целая великолепная, чудесная история — лето у бабушки с дедом! В их замечательном доме на берегу притока реки Цны, утопающем в пене яблоневого цвета! Несколько дней перед отъездом превращались для Лизиных родителей в сплошной кошмар — дочь носилась по квартире, собирала свои вещи и игрушки, требовала ехать «прямо сейчас и немедленно» и изводила их бесконечными вопросами, когда же они уже поедут, в самом деле!

Ну вот, свершалось! Папа сажал дочку с женой в старенький «фордик», и они ехали в Тамбов. Всю дорогу Лиза смотрела в окно и громко сообщала родителям, что интересного увидела. А когда начинались знакомые места, отбоя не было от ее непрекращающегося требовательного вопроса:

— Мы скоро приедем?

Мама закатывала глаза к небу и разводила руками, изображая бессилие перед этим напором, а папа посмеивался и каждый раз отвечал:

— Совсем скоро.

И когда, наконец, это «совсем скоро» все-таки наступало, Лизка, с восторженным визгом пробежав по дорожке, мощенной круглыми деревянными большущими спилами от калитки до дома, влетала в распахнутые двери, ее переполняло такое счастье, что от переизбытка чувств она хохотала и прыгала, и носилась по всему дому, и кида-

лась обниматься и целоваться со всеми, и кричала о своей любви и радости! И взрослые, заражаясь ее энергией и неумным, брызжущим во все стороны детским счастьем, начинали громко смеяться, обниматься, на ходу что-то бестолково спрашивая и отвечая. Потом все шумно усаживались за щедро накрытый стол.

У нее потрясающая бабушка! Удивительная! Она такая женщина! Женщина в высшем понимании этого слова! Это океан женственности, какой-то милой, нежной беззащитности и утонченности. Оказываясь рядом с ней, все мужчины, независимо от возраста и социального положения, сразу же становятся суперменами, подтягивают животы, распрямляют спины и готовы на что угодно, чтобы оградить эту женщину от страшного мира. Каждый жест, каждое ее движение, взгляд выразительных карих глаз, дыхание наполнены этой истинной женской сущностью, грацией, какой-то загадкой и доверием к мужчинам. Уникально. Сейчас таких женщин практически нет. Ведь при всей кажущейся хрупкости, нежности и этой особой женской беззащитной доверчивости бабушка — человек невероятно сильной воли и мужественности. Но вся ее жизнь окружена и наполнена истинно женскими вещичками, знаниями и тайнами.

Этот неповторимый запах и дух дома, который бабушка Ася соткала, как волшебство, состоял из позабытых песен, кружевных воротничков на милом платье, горячей сдобы с ванилью и ко-

рицей, пасхальных куличей и капустного пирога. А еще в нем было немного увядающих роз, лаванды и миндаля, и почти выветрившихся духов «Шанель № 5», и еле различимая нотка мастики, которой натерли паркет... Старые выцветшие фотографии в замысловатых рамочках, виниловые пластинки и плетеные кресла, теплые пледы ручной вязки и милые подушечки в тон к ним, кресло-качалка возле уникальной печи-камина, на котором лежит оставленная бабушкой воздушная шаль, а рядом на полу плетеная корзинка с клубками, спицами и вязаньем... Голос Вертинского из старого проигрывателя, бабушкина помада и кремы на ее старинном трюмо в спальне, ее маленькие туфельки в гардеробной комнате, залетающие летом, через открытые окна-двери лепестки цветущих яблонь, большой сундук с ее «тайнами», как она в шутку называет хранящиеся там всякие памятные, дорогие ей вещички, и еще много разных ноток и нюансов, составляющих жизнь бабули и бесконечно очаровывающих Лизу своей загадочностью, этой самой истинной женственностью и умением так наполнять свою жизнь смыслом, красотой и сказочным уютом.

И еще лампа с большим зеленым абажуром над круглым столом.

Этот зеленый абажур — вещь в их семье легендарная.

Бабушка с дедом перевозили его с собой в каждое новое жилье. Долго выбирали место, где бу-

дет стоять большой круглый стол, причем им не всегда являлся центр комнаты. Только бабушка Ася понимала и знала, где именно должен стоять семейный стол. Мужчины в лице деда Антона и двух ее сыновей никогда не спорили, не задавали лишних вопросов, а молча делали новую проводку, чтобы торжественно повесить над столом лампу под абажуром.

Но как же замечательно сидеть всей большой семьей под этим загадочным зеленым светом, который, будто обволакивая, окружает вас, словно заключает в магию безопасного семейного круга. Как мистика, тайна.

Как встреча бабушки с дедушкой...

Антону Потапову исполнилось семнадцать лет, он только что закончил школу, когда началась война. Весь его класс, двадцать два мальчика и девять девочек, отправились в военкомат записываться добровольцами на фронт. Их не взяли, сказали, что подрасти всем еще годик надо, а сейчас и без них разберутся, ведь через месяц, максимум два Красная армия разобьет немцев и погонит до самого Берлина, где и прикончит врага в его логове. Дети загрустили и отправились по домам, а Антон прямо из военкомата зашагал в другую сторону — поступать в известное летное училище.

В то довоенное, насыщенное до звона в сердце патриотизмом время одним из главных увлечений молодежи была авиация, гремевшая свои-